

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №2 (23)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №2 (23)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

- S. A. Vasutin*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)
M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

- L. N. Yarmolenko*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedeve, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

The journal is approved by the scientific and technical Council Altai state University and registered by the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications.

Certificate of registration of PI no. FS 77–69787 dated 18.05.2017 All rights reserved. No part of the journal or the entire publication may be reprinted without the written permission of the authors or publisher.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

The journal was prepared with the support of the RSF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Кубаев С. Ш.</i> Аултепе — первый открытый караван-сарай, рабат (рибат) Средней Азии	7
<i>Лихачева О. С.</i> Средняя конница каменной культуры и эволюция военного дела населения лесостепного Алтая в VI–I вв. до н.э.	21
<i>Тишин В. В., Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А.</i> Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан)	37

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Горте Ю. Д., Рыкова В. В.</i> Эвенки: наукометрический анализ материалов, представленных в БД <i>Web of Science</i> и <i>Научная Сибирика</i>	54
<i>Мухамадеев А. Р.</i> К вопросу о брачно-семейных взаимоотношениях у кыпчаков.....	66

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Недзельюк Т. Г.</i> Источники для изучения государственно-конфессиональных отношений в Западной Сибири (по материалам исторического архива Омской области)	78
<i>Ожиганов А. Н.</i> Религиозные здания Барнаула в контексте изменений государственно-конфессиональной политики в XX — начале XXI в.	86
<i>Чирков Н. В.</i> Проблематика перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии на примере миссионерской деятельности Маттео Риччи в Китае.....	104
<i>Дикова Н. В.</i> Роль архиереев в институциональном развитии Омской епархии и основные итоги архиерейского управления	117
ДЛЯ АВТОРОВ	132

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Kubayev S. Sh.* Archaeology and Etno-Cultural history the first opened caravanserai, rabat (ribat) of Central Asia.....7
- Likhacheva O. S.* Medium cavalry of the Kamenska culture and the evolution of military affairs of the population of the forest-steppe Altai in VI–I BC21
- Tishin V. V., Akymbek E. Sh., Zheleznyakov B. A.* The Early Turkic runic inscription from Tospaly (Chu (Shu) river valley, Kazakhstan).....37

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Gorte Yu. D., Rykova V. V.* Evenks: scientometric analysis of materials presented in the databases Web of Science and Scholar Sibirica54
- Mukhamadeev A. R.* To the question of marriage-family relations in kipchakov66

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Nedzelyuk T. G.* Sources for the study of state-confessional relations in Western Siberia (based on the materials of the historical archive of the Omsk region).....78
- Ozhiganov A. N.* Religious buildings in Barnaul in the context of changes in State and Confessional policy in the XX — the early XXI Century86
- Chirkov N. V.* The issue of translation and interpretation of fundamental theological terminology on the example of missionary activities of Matteo Ricci in China.....104
- Dikova N. V.* The role of high priests in the institutional development of the Omsk eparchy and the main results of high priest's administration.....117

- INFORMATION ABOUT AUTHORS**132

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902 (575.114)

DOI: 10.14258/nreur(2020)2-01

С. Ш. Кубаев

*Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан,
Ташкент (Узбекистан)*

АУЛТЕПЕ — ПЕРВЫЙ ОТКРЫТЫЙ КАРАВАН-САРАЙ, РАБАТ (РИБАТ) СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аултепе — один из хорошо изученных памятников раннего Средневековья Средней Азии. С. К. Кабанов, руководитель раскопок, основываясь на полученных данных, предполагал, что это руины замка местного землевладельца. Многие специалисты по архитектуре Средней Азии поддерживали выводы автора о назначении памятника. После этих исследований долгие годы Аултепе считался эталонным памятником раннего Средневековья, с которым сравнивали вновь открытые памятники. Но масштабные археологические раскопки, проведенные в последние годы на территории Центральной Азии, дали новые материалы по архитектуре региона. Эти данные позволили нам снова обратиться к выводам автора. До сегодняшнего дня многие исследователи истории архитектуры появления караван-сараев (рибат или рабатов) связывали именно с распространением ислама в Средней Азии. Новые исследования материалов памятника Аултепе дали возможность выдвинуть предположение, что возведение караван-сарая, рабат или рибатов относится к более раннему времени. Вероятнее всего, истоки рабатов и караван-сарая, игравших в Средневековье важную роль в развитии торговли, отражают возросшую роль Великого шелкового пути. В статье также поднимается вопрос об истоках традиции сооружения рабатов в Средней Азии, игравших важную роль в развитии торговли на Великом шелковом пути.

Ключевые слова: Аултапе, Средняя Азия, замок, рабат, караван-сарай, торговые пути, архитектура, суфа, замок, крепостная стена, башня, платформа, жилища, хранилище, «пахса», сырцовые кирпичи.

S. Sh. Kubayev

National center of archeology, Academy of Sciences Republic of Uzbekistan, Tashkent (Uzbekistan)

THE FIRST OPENED CARAVANSERAI, RABAT (RIBAT) OF CENTRAL ASIA

Aultepe is one of the well-studied monuments of the early middle ages of Central Asia. The excavation author S. K. Kabanov, based on the data obtained suggested that it was the ruins of a castle of a local landowner. Many Central Asian architecture experts supported the author's findings on the purpose of the monument. After these studies, for many years Aultepe was considered a reference monument of the early middle ages, with which newly discovered monuments were compared. But large-scale archaeological excavations conducted in recent years in Central Asia have provided new materials on the architecture of the region. These data allowed us to turn again to the conclusions of the author. Until today, many scholars of the history of architecture, the emergence of caravanserais, ribat or rebates associated precisely with the spread of Islam in Central Asia. New studies of the materials of the monument to Aultepe made it possible to put forward the assumption that the construction of caravanserais, discounts or ribates dates back to an earlier time. Most likely, the origins of the discounts and caravanserais, who played an important role in the development of trade in the middle ages, reflect the increased role of the Great Silk Road. The article also raises the question of the origins of the tradition of building discounts in Central Asia, which played an important role in the development of trade on the Great Silk Road.

Key words: Aultepe, Central Asia, castle, discount, caravanserais, trade routes, architecture, sufa, castle, fortress wall, tower, platform, dwellings, storage, "pakhsa", mud bricks;

Кубаев Суръат Шавкатович, младший научный сотрудник Национального центра археологии академии наук Республики Узбекистан, Ташкент (Узбекистан). Адрес для контактов: kubaev.surat@gmail.com.

Kubaev Surat Shavkatovich, Junior research associate of the National center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent (Uzbekistan). Contact address: kubaev.surat@gmail.com.

На древних торговых маршрутах, таких как Великий шелковый путь, были необходимы специальные места для временной ночёвки, чтобы пополнить запасы еды и питьевой воды для людей и животных. Эти стратегически важные места называются караван-сарай, рабат или рибат. Караван-сарай, рабаты или рибаты располагались во всех частях Великого шелкового пути.

Караван-сарай на территориях Ирана, Турции и Арабского полуострова комплексно изучены специалистами [Мансури и др., 2015]. История возникновения караван-сарая Средней Азии мало изучена в науке. Хотя на сегодняшний день на просторах Средней Азии археологами было открыто много известных сооружений подобного типа. Но основная часть этих сооружений относится к периоду от X до XIX в. Из-за этого среди археологов по поводу возникновения караван-сарая появились разные предположения.

Некоторые исследователи истории архитектуры, основываясь на этих материалах, появление караван-сарая, рабат или рибатов связывали именно с распространением ислама на просторах Средней Азии. Например, Н. Б. Немцева, изучавшая один из крупнейших рабатов Средней Азии — Рабат-и Малик — также в своих работах отмечает, что «...рабаты (рибаты) — станции для конной охраны в пограничных зонах, крепости для газиев — борцов за веру — появились во времена исламизации арабами стран Востока. В первой четверти VIII в. омейядский наместник в Хорасане Ашрас ибн Абдаллах (727–729 гг.) впервые учредил рабаты» [Немцева, 1983: 112]. Но она сама пишет, что «... эти крепости для охраны дорог по существу были и раньше, их устанавливали в пограничных зонах уже римляне и сасаниды на Ближнем Востоке...», но почему-то Среднюю Азию автор не включает в этот список [Немцева, 1983: 112].

В наши дни также много исследователей — археологов, архитекторов — планировку караван-сарая, рабат или рибатов связывали с «вкладом исламской цивилизации». Утверждалось, что центральноазиатский караван-сарай был задуман как укрепленное строение с центральным внутренним двором и комнатами вокруг этого центра. Это было квадратное, круглое или восьмиугольное в плане сооружение, концентрическое, с бастиянами и башнями по углам крепостных стен. Доступ часто был через единственный вход, «расположенный в месте на ортогональной оси...» [Ahmad, Chase, 2004: 44]. Другой исследователь считает, что «... идея обеспечения закрытых остановок вдоль дорог не является новшеством... но мусульманская цивилизация развила эту идею оригинальным образом... придорожный караван-сарай распространился по всему мусульманскому миру...» [Cinzia Travernari, 2010: 191].

Но на сегодняшний день анализ открытых ранее памятников Средней Азии дал новые данные о появлении и распространении караван-сарая, рабат или рибатов.

Аултепе — один из хорошо изученных памятников Средней Азии (см. рис. 1). В ходе археологических работ экспедиционной группы во главе с С. К. Кабановым в полевой сезон 1956 г. памятник был раскопан полностью [Кабанов, 1981: рис. 23]. Автор раскопки, основываясь на полученных данных, предполагал, что здание было замком местного землевладельца — «дихкана» [Кабанов, 1981]. В результате Аултепе рассматривается как эталонный памятник сельской замковой архитектуры раннего Средневековья. В таком качестве его оценивали различные специалисты в области истории среднеазиатской архитектуры. Так, В. А. Нильсен, один из авторов исторической архитектурной

реконструкции, в своих работах поддерживает автора раскопа [Нильсен, 1966: 135–139]. Позднее, руководствуясь оценкой В. А. Нильсена и С. Хмельницкого, Т. И. Лебедева также в своих работах включает Аултепе в список замков [Лебедева, 2000: 147]. С. Г. Хмельницким дается емкая характеристика замков раннего Средневековья: «... в архитектурном аспекте укрепленный замок мог быть и сравнительно небольшой постройкой типа жилой башни-донжона, используемой для жилья в опасные экстремальные моменты и окруженной жилыми и хозяйственными постройками, крупными многокомнатным, двух- и трехэтажным зданием, «рыцарским гнездом» знатного землевладельца, окруженным жилищами челяди и крестьян, и, наконец, обширной резиденцией местного, более или менее крупного правителя, состоящей из множества помещений, парадных залов, внутренних дворов и укреплений» [Хмельницкий, 2000: 65].

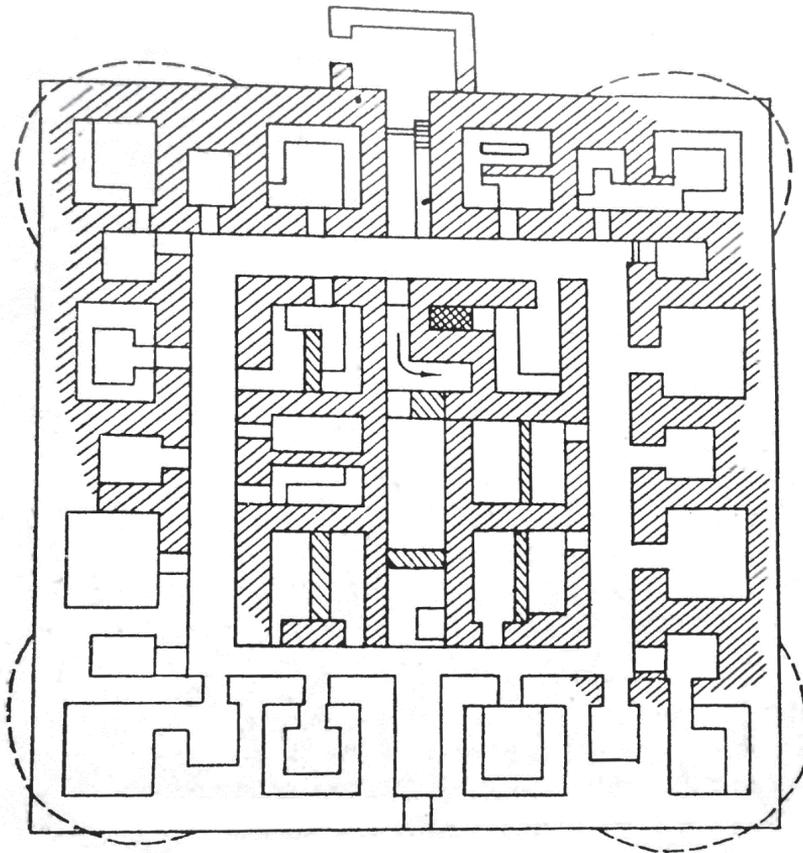

Рис. 1. План памятника Аултепе (Нильсен, 1966)

Этот же исследователь считает первой особенностью замков «оборонный характер этой архитектуры: ... непомерная толщина стен, высокие монолитные (или почти монолитные) платформы — «стилобаты», поднимающие здание над местностью на 5, 6, а то и на 10 метров». Т. И. Лебедева, исследуя замки Центрального и Южного Согда, так-

же ещё более конкретно описывает особенности этих строений: «...замок должен был иметь усиленную оборонительную систему: высокую платформу здания, мощные стены, оборонительные башни и стрелковую галерею, обеспечивающую свободное перемещение вдоль системы бойниц и башен. На определенном этапе вокруг здания появились усилившие оборону внешнего каре оборонительной стены... Кроме этого, в замке должна была находиться жилая площадь и парадная часть — зал для приема гостей и проведения семейных и религиозных празднеств. И обязательно — культовое помещение, размеры которого варьировали и зависимости от степени религиозности отдельных владельцев замков...» [Лебедева, 2000: 142].

Спустя более чем полвека ширококомасштабные археологические раскопки, проведенные на территории Средней Азии, дали много новых материалов по архитектуре региона. Эти данные позволили вновь обратиться к заключениям С. К. Кабанова. Приводим краткое описание памятника.

Аултепе — это развалины отдельно стоящего здания, непосредственно к которому не могли примыкать другие постройки из-за окружавшего его с трех сторон ров оборонительного значения, а с одной стороны (южной) внешняя стена была возведена на краю террасы. Хозяйственные постройки (стойла для скота, склады) могли быть только за ровом, на уровне третьей террасы; они были разрушены обитателями более позднего поселения. Размеры сохранившейся части здания на уровне пола 33х27 м; достаточно точно устанавливается, что протяженность здания с востока на запад не превышала 34 м.

Здание прямоугольное, вытянутое с востока на запад, возможно, с башенными выступами на углах; ориентировка сторон здания по странам света почти правильная, с небольшим смещением по часовой стрелке. Организующим архитектурным элементом внутреннего пространства был обходной коридор с длиной сторон около 20 м, охватывающий центральный жилой массив со всех сторон [Кабанов, 1958: 146]. Центральный массив состоит из шести помещений, разделенных на восточную и западную части двумя узкими проходными помещениями. Одно из них, как мы увидим ниже, было лестничной клеткой, другое, по-видимому, хозяйственным помещением.

На внешней стороне коридора расположены дверные проемы в помещения, обрамляющие со всех сторон центральный массив, кроме южной, и расположенные в один ряд, соответственно, с каждой стороны. Характерная особенность планировки внешнего обвода — правильное чередование больших и малых помещений. По данным С. К. Кабанова, сохранилось 21 помещение, если считать по первоначальному плану, два из них не сохранились (в юго-западном углу) [Кабанов, 1958: 148]. Всего, таким образом, было 23, из них 8 небольших и 8 больших помещений внешнего обвода. Два больших помещения были разделены на две почти равные части стенкой из сырцового кирпича, причем обе части этих помещений соединены проемами. Как указывалось выше, в центральном массиве было шесть жилых помещений, из них пять разделены на две части, причем три из них перекрыты наглухо. Во многих помещениях устроены невысокие суфы (возвышения), высотой 10–20 см, шириной около 90 см.

Помещение 2 (западу от входного коридора) имеет размеры 4,3×4,07 м; На полу помещения вдоль всех стен, кроме южной, в середине которой обнаружен проем, веду-

щий в коридор, устроена невысокая (15–20 см) суфа, в западной стороне не достигавшая южной стены; ширина суфы 0,85–1 м. Помещение 3 (западу от помещения 2) — 2,5×2,1 м; В этой комнате относительно хорошо сохранился дверной проем, перекрытый полуциркульной аркой высотой 1,9 м. Помещение 4 (в северо-западном углу здания) имеет размеры 3,8×3,8 м; позже стенкой была разделена на две почти равные, соединенные проемом комнаты (на плане — 6 и 7). Помещение 4 небольшое (2,5×2,1 м), слегка вытянутое с востока на запад, с двумя проемами в северо-восточном углу, один из которых (в восточной стене) вел в коридор, второй (в северной стене) — в уже описанное помещение, находившееся в угловой (северо-западной) части здания. Пол помещения обнаружен на глубине 2,3 м от уровня сохранившейся части восточной стены; западная стена, остатки которой расположены ниже по склону, сохранились в высоту на 1,2 м. Пол плотный, серый, в северо-западном углу расчищены глинобитная суфа (высота 10 см) и возле нее пятно обожженной земли.

Характерная особенность напластований помещения 5, расположенного южнее помещения 4, — наличие признаков обрушения со стороны коридора; в составе завала отмечены большие прослойки из комков пахсы, видимо, от разрушенных стен. Вдоль всех стен проложена суфа высотой 15 см и шириной до 1 м. Кроме керамики, на полу этого помещения было много золы. Размеры помещения 4,2×3,7 м, вытянутость с севера на юг. Южнее сохранилось небольшое помещение 8 и один из уголков очередного помещения. Всего под западным склоном тепе раскрыты остатки четырех отдельных помещений.

Теперь переходим к описанию помещений восточной половины внешнего обвода. К востоку от входного коридора расчищено помещение, почти квадратное в плане (4,3×4,1 м), симметричное помещению 2, но в отличие от него разделенное на две половины — южную и северную (на плане помещения 9, 10). Это помещение разделено стеной из сырцового кирпича, уложенного в один ряд торцами наружу, толщина стены 50 см; соединяющий обе части помещения проем находится возле западной стены, ширина проема 80 см. В отличие от помещений 6–7, где между промежуточной стенкой и северной стеной обнаружена штукатурка, здесь в месте смыкания стен штукатурки не оказалось. Все помещение заполнено довольно плотной и однородной желтой глиной с небольшой примесью малохарактерной керамики.

К востоку от описанного помещения обнаружена небольшая (2,6×2 м) комната (на плане помещение 11), вытянутая с севера на юг. Всю северную часть помещения занимает суфа. Проем в восточной стене комнаты вел в еще одно помещение — 12, в направлении с севера на юг размер помещения 4,05 м; несомненно, что помещение было квадратным или почти квадратным. Вдоль стен были устроены широкие суфы; на полу обнаружено гнездо от столба. По восточному фасу здания, южнее помещения 12, раскрыто небольшое (2,45×2,05 м) помещение 15. В помещении 16 также хорошо выявляется структура стен: внизу, у пола, кладка из пахсы толщиной 80 см перекрыта двумя рядами сырцового кирпича, положенного плашмя, затем опять полоса пахсовой кладки толщиной 70 см, выровненная сверху одним рядом кирпича. В середине восточного фаса вскрыто небольшое помещение 24, находившееся между двумя большими комнатами (16 и 22); размер помещения 2,35×2,05 м. В стенах хорошо выявляется комбинированная кладка. В помещении 22 обнаружен завал, неоднородный во всех частях по-

мещения. На южном склоне тепа, у восточного края, выявлено помещение 21, по размеру примерно равное ранее раскрытым небольшим помещениям (3, 12, 15), но отличающееся от них планировкой.

Теперь рассмотрим помещения центрального жилого массива. Здесь шесть крупных жилых помещений, пять из них разделены перегородками на две комнаты с отдельными выходами в коридор.

В северо-западном углу центрального массива раскрыто помещение 1, заполненное завалом рыхлого грунта с примесью органических остатков и керамики. В целом размеры помещения 4,15×3,85 м. Южнее помещения 1 раскрыто примерно такое же помещение, разделенное на две комнаты в ходе использования (на плане 25 и 13), с отдельными выходами в коридор. Южнее помещения 13 (25), под поверхностью южного склона тепа, обнаружено помещение, также разделенное на две части сплошной стеной, с двумя дверными проемами, обращенными теперь в сторону южного сектора коридора.

Трем помещениям западной части центрального жилого массива соответствуют в плане три помещения восточной части. Помещение 19 — самое северное, размерами 3,8×3,1 м, вытянуто с севера на юг. С. К. Кабанов, основываясь на особенностях наслоений в помещении 19 и наличию в нем четырех зольных ям, предположил, что это помещение имело производственное назначение; возможно, здесь была кузница. В середине восточной части центрального массива раскрыто помещение 23, размером 4,5×3,65 м, разделенное перегородкой на две комнаты; большое из которых (западное) расположено в глубине помещения. На южном склоне тепе раскрыто довольно большое помещение (20). На уровне 2,05 м от поверхности в сохранившейся части стены обнаружена тонкая перегородка, разделявшая помещение на две части — западную и восточную. Каждая из частей помещения имела отдельные проемы, ведущие во двор: проем в восточной части помещения выводил в восточный сектор коридора, проем западной части вел к югу.

По данным С. К. Кабанова основную часть материалов, полученных при раскопках Аултапе, составили фрагменты бытовой керамической посуды, типологически однородные во всех помещениях и на всех уровнях [Кабанов, 1958: 150]. Западная часть здания дает относительно больше находок, обилием керамики отличались помещения 1, 2, 5 и 17. Большие помещения восточной части (16 и 22) оказались почти пустыми, сравнительно много керамики обнаружено в промежуточном небольшом помещении 24.

Особенность керамических материалов Аултапе выражается в наличии малого количества лепных сосудов [Кабанов, 1981: 79]. Найдено всего несколько фрагментов котлов грубой лепки, один из которых довольно крупный, дающий представление о форме верхней части сосуда. Среди керамики, изготовленной на гончарном круге, наиболее характерная керамическая форма комплекса — высокие кубковидные чаши с поддоном или без поддона, сосуды в виде крынок со сливом, проделанным под венчиком, в плечевой части сосуда; курильницы, кувшинчики различных видов, котлы для приготовления пищи, а также хумы (средне- и крупноразмерные сосуды для жидкостей или зерна). Также было найдено более трех десятков пряслиц, пуговиц, грузиков для вертикального ткацкого станка, «шашлычницы», или очажные подставки, каменные изделия — зернотерки, жернова, точила, терки разных видов, бусы из различных материа-

лов, два медных перстня, орудия производства из железа, главным образом прямые и серповидные ножи, небольшая теша (тесло). Кроме того, при раскопках Аултапе было обнаружено пять монет, одна из них серебряная и четыре медные, названные условно нахшебскими. Таким образом, опираясь на керамические и нумизматические данные, С. К. Кабанов предполагал, что памятник Аултапе не может быть древнее середины V в., что убедительно подтверждают обнаруженные здесь монеты, чеканенные в подражании монетам Варахрана V [Кабанов, 1981: 79].

Как мы видели выше, жилые помещения памятника значительно отличаются от других замков раннего Средневековья. Судя по сравнительному анализу с другими замками Средней Азии и плану помещений, а также по основным критериям замков, можно выяснить своеобразные особенности памятника Аултапе.

Во-первых, памятник, в отличие от других замков, не характеризуется, что отмечали С. Г. Хмельницкий и В. А. Нильсен, обороноспособностью. Памятник построен в 500 м севернее реки, на краю третьей террасы. Высота бугра от подошвы с юга 7 м, но над террасой он возвышался только на 3 м. Это подтверждает, что памятник был построен на обычном возвышенном месте, без каких-либо искусственных платформ. Стратиграфические разрезы помещений 15 и 16 показали, что стены и полы памятника были построены прямо над материком [Кабанов, 1981: 46–47]. Гипотеза о традиционном замке с четырьмя угловыми башнеобразными сооружениями, которые видны в реконструкциях С. К. Кабанова, также не подтверждается. Спустя 10 лет после открытия основного здания Аултапе В. А. Нильсен уже в своих реконструкциях отрицает первоначальную оценку, данную С. К. Кабановым [Нильсен 1966: 137, рис. 48] (см. рис. 1). Ещё один недостающий элемент, усиливающий оборону мощных стен замка, — бойницы, также отсутствует в стенах Аултапе.

Во-вторых, отсутствуют какие-либо парадные или служебно-бытовые помещения, предающие основному зданию полноценный характер, присущий замкам или дворцам богатых «дихканов». На плане Аултапе мы не видим ни одного помещения, соответствующего критериям парадной гостиной — «мехманханы». Также ни в одном из жилых помещений не обнаружены очаги, пригодные для приготовления пищи. Признаки такого очага в виде обожженного пятна на полу у стены, ограждённого кусками кирпичей, поставленных на ребро, найдены только в одном помещении (в центральной части), определенное нами как хозяйственное. В двух помещениях были зольные ямы, в трех других — пятна обожженной земли случайного характера.

С. К. Кабанов, судя по наличию в центре здания капитальной лестничной клетки с пандусом, предполагал существование второго этажа над центральным жилым массивом. Но он предполагал, что «... план второго этажа в основном соответствовал плану нижнего этажа, судя по его массивным стенам, способным выдержать тяжесть вышерасположенных конструкций», что противоречит его же мнению о существовании парадной гостиной — «мехманханы» на втором этаже строения;

В-третьих, основные керамические изделия, происходящие из раскопов Аултапе, также отличаются от аналогичных материалов в близ расположенных замках. Это отмечалось и автором раскопа: «... поразительный факт, что памятники (Аултапе и Джангалтепе) столь близкие территориально (1,5 км) и, надо полагать, хронологически, в то же

время столь различны по характеру культуры. ... если на Аултапе изделия лепной работы, даже во фрагментах, встречались лишь изредка, то на Джангалтепа они составляли не менее половины всех материалов...» [Кабанов 1981: 78–79].

Таким образом, выше отмеченные особенности архитектуры основного здания памятника, а также находки, полученные во время раскопок, не дают основания считать Аултапе замком местного дикханина, что предполагалось С. К. Кабановым. В таком случае возникает вопрос: если не замок, то каким было предназначение такого монументального сооружения и почему материалы, найденные здесь, также резко отличаются от соседних памятников?

Решение этих несоответствий С. К. Кабанов обосновал с тем, что «... резкое отличие культуры, представленной Аултапе, от культуры хронологически и территориально близкой ей Джангалтепа дает основание полагать, что некий представитель согдийской аристократии вместе с подвластным ему населением покинул оазис верхней части Зарафшана и, перешедший горный хребет (это всего 2–3 дня пути для всадника), занял удобные для орошения и малонаселенные земли в средней части долины Кашкадарьи».

Но на сегодняшний день данные по стратиграфии городища Еркурган дают нам основание, что керамическое производство Аултапе не только тесно связано с самаркандским Согдом, но и также совместимы с керамическим производством Еркургана [Исамиддинов, 1984: 118]. А наличие изделий, родственных керамике самаркандского Согда, можно объяснить культурными взаимосвязями двух регионов. Здесь своеобразие заключается в том, что основные керамические материалы гончарного производства являются типологически редкими для Средней Азии V–VI вв. В этот период не только на Еркургане (40% керамического материала), но и по всей Средней Азии наблюдается внедрение кочевнических традиций в гончарное производство [Исамиддинов, 1984: 151–152].

Путем сравнительно-сопоставительного анализа можно объяснить планировочное своеобразие Аултапе. В общем плане можно увидеть своеобразную закономерность расположения помещений: сначала большое помещение со суфами, после него малые помещения без суф. Все помещения обводного коридора были сооружены соответственно. Размеры некоторых помещений варьируют, но это не влияет на закономерность их расположения. Большие помещения с суфами, очевидно, были предназначены для жилья, но в малых помещениях не зафиксированы суфы. Исходя из этого можно предположить, что они предназначались для хранилищ. И у каждого большого помещения рядом находилось малое помещение-хранилище. С этой точки зрения можно увидеть 12 подобных комплексов (жилое помещение с хранилищем). Функциональное назначение памятника в целом становится понятным в сопоставлении с планировкой ранее открытых архитектурных сооружений Согда и соседних с ним регионов, и становится очевидной редкость сооружений с планировкой, аналогичной планировке Аултапе. Наиболее близкие аналогии обнаруживаются в городище Ханабдтепе в Ташкентском оазисе.

В ходе археологических работ на памятнике выявлено уникальное сооружение с открытым двором (50 x 31 м), обращенными к нему дверными проемами коридорообразных помещений, расположенных по периметру двора [Древности Ташкента, 1976:

15]. По данным авторов археологических исследований общее количество помещений в цитадели около 50, из них расчищено 27 [Филанович, 1983: 126]. О назначении памятника авторами высказано предположение, что «... при сопоставлении среднеазиатских цитаделей выясняется, что цитадель Ханабаттепа значительно отличается от таковых и по существу являет собой иной тип сооружений подобного рода. Если известные цитадели можно охарактеризовать как сооружения, где сочетаются жилые и оборонительные постройки, то цитадель Ханабат в первую очередь имеет прямое военно-оборонительное назначение. Здесь не обнаружено жилых и парадных помещений, и нет оснований полагать, что они были. В ханабадской цитадели все подчинено военным целям. Крепостные стены, стрелковые галереи, башни, узкие помещения-казематы, открытый большой двор-плац, где, возможно, проходили военные учения, весь этот комплекс в целом наиболее точно соответствует оборонительным функциям. Исходя из приведенных данных можно вероятнее всего охарактеризовать цитадель Ханабаттепа как сооружение военно-оборонительного типа, в котором содержался постоянный военный гарнизон...» [Древности Ташкента, 1976: 29]. Преобразование территории цитадели в сооружения отмеченного выше военно-оборонительного назначения датируется второй половиной VII в. Но об архитектурных сооружениях первых строительных периодов нет данных. Хотя первый этап обживания цитадели приходится на вторую половину VI в. [Филанович, 1983: 129]. Но в отличие от Аултапе, на основном здании Ханабаттепе помещений, которые можно охарактеризовать как хранилища, не наблюдается. В замковой архитектуре Средней Азии почти на всех планах выделяются парадные помещения и усиливающая обороноспособность крестообразность сооружения [Хмельницкий, 2000: 65–68].

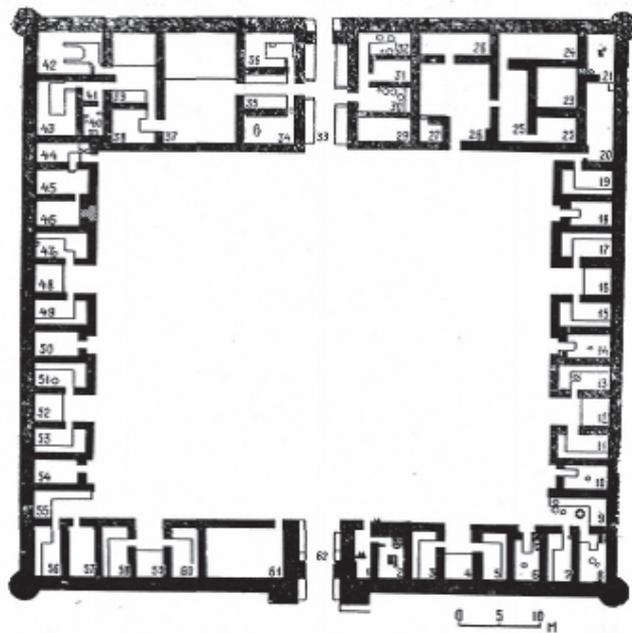

Рис. 2. План рабата городище Пайкенд (Мухамеджанов и др., 1988)

Если в раннесредневековой архитектуре монументальные здания с аналогичными планами, как у Аултапе, встречаются редко, то в Средневековье таких сооружений значительно больше. Своеобразный план памятника Аултапе напоминает средневековый рабат или карван-сарай. Это также подтверждает описаниями рабатов — карван-сараяев С. Г. Хмельницкий: «...общий структурный принцип (рабатов) — внутренний прямоугольный двор, обстроенный со всех (чаще всего) сторон, и внешние глухие стены — одни из древнейших в истории архитектуры. В Центральной Азии он употреблялся задолго до эпохи ислама, а с её приходом лёг в основу построек различного назначения — дворцовых и жилых комплексов мечетей, медресе, карван-сараяев-рабатов. В последнем случае возможность создания на этой общей основе бесконечного числа вариантов хорошо видна на примере даже тех немногих зданий, которые сохранились от раннеисламского времени или открыты с помощью раскопок» [Хмельницкий, 1992: 180].

В этом плане примером можно считать рабат городища Пайкенд [Мухамеджанов и др., 1988: 117]. Квадратное в плане здание (75×72 м) ориентировано осями по странам света (рис. 2). Центральную часть территории карван-сарая занимал двор размером 47×56 м. С южной, западной и восточной сторон двор окружали чётко организованные группы помещений жилого и хозяйственного назначения. Каждая секция включает в себя среднюю комнату-айван (открытую во двор) и две боковые комнаты. Между этими трёхкомнатными секциями расположены помещения несколько меньшей глубины: их входы, обращённые во двор, имеют форму ниш и представляют собой миниатюрные подобию традиционных среднеазиатских порталов. Здесь нет суф и очагов, которыми оборудованы явно жилые трёхкомнатные группы, и исследователи справедливо считают, что назначение этих комнат, несмотря на эффектную форму их входов, служить хозяйственными или складскими помещениями [Хмельницкий, 1992: 181]. Планировки средневековых карван-сараяев-рабатов Рабати Малик, Дая-хатын, Ишан рабат, Рабати Шариф также близки к Аултапе [Ahmad, Chase, 2004: F.1].

Возведение Аултапе началось намного раньше (датируется V–VI вв. н. э.). На сегодняшний день на территории Средней Азии не выявлены доисламские карван-сараяев-рабаты. Но это не даёт нам основание отрицать их существование, так как они были открыты в Иране [Хмельницкий, 1992: 179]. Причину такого явления С. Хмельницкий объясняет тем, что «... сасанидский Иран был обширным централизованным государством, тогда как Средняя Азия в предисламское время состояла из разрозненных небольших владений...». Но эту теорию также в настоящее время можно считать устаревшей. Полученные материалы показали, что в раннесредневековой Средней Азии играла важную роль в развитии торговых отношений на Великом шелковом пути. Сгондидцы были основными посредниками в торговле с Китаем. Это подтверждается открытием множества торговых факторий на Дальнем Востоке [Беленицкий и др., 1973: 109]. По данным специалистов рабаты и карван-сараяев на больших торговых путях образовывали цепочки с промежутками в один день пути — с таким расчётом, чтобы караван, покинув утром карван-сарай, к ночи достигал очередное место стоянки. Аултапе также было построено на пути от Нахшаба к Кешу. По современным меркам расстояние между Шахрисабзом и городищем Еркурган составляет 100 км, и Аултапе расположено посередине путей этих двух культурных центров (см. рис. 3).

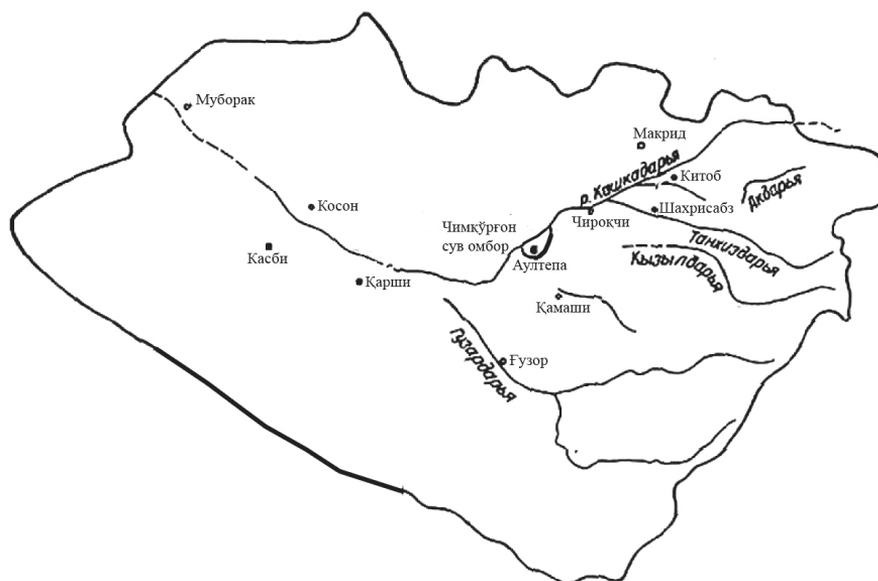

Рис. 3. Карта расположения памятника Аултапе

В заключение хотим отметить что новые исследования памятника Аултапе дают нам основание предположить, что перед нами впервые открыт рабат раннесредневекового Согда.

До сегодняшнего дня в науке появление рабатов и карван-сараев связывалось с распространением ислама. Но новые анализы памятника Аултапе даёт нам основание предположить, что возведение караван-сараев, рабатов или рибатов начинается намного раньше. Вероятнее всего, это появление рабатов и карван-сараев, сыгравших в Средневековье важную роль в развитии торговли на Великом шелковом пути, началось значительно раньше. Их возникновение, безусловно, тесно связано с формированием Великого шелкового пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беленицкий А. М. и др. Средневековый город Средней Азии. Л. : Наука, 1973. 389 с.
 Древности Ташкента / отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент : Фан, 1976. 130 с.
 Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент : Фан, 1984. 159 с.
 Кабанов С. К. Культура сельских поселений южного Согда III–IV вв. Ташкент : Фан, 1981. 128 с.
 Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н.э. в долине р. Кашка-Дарья // Советская археология. 1958. № 3. С. 144–152.
 Лебедева Т. И. Генезис замковой архитектуры Центрального и Южного Согда в раннем Средневековье // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31 / Институт археологии. Самарканд, 2000. С. 141–155.
 Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Дж. К., Адьлов Ш. Т. Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. Ташкент : Фан, 1988. 196 с.

Немцева Н. Б. Рабат-и-Малик // Художественная культура Средней Азии. IX–XIII века. Ташкент : Изд-во литературы и искусства, 1983. С. 112–141.

Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры. Ташкент : Фан, 1966. 354 с.

Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М. : Наука, 1970. 287 с.

Филанович М. И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент : Фан, 1983. 199 с.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами // Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин; Рига : Gamajun, 2000. 291 с.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии // Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига : Gamajun, 1992. 341 с.

Sumbul A., Scott C. C. Design Generation Of The Central Asian Caravanserai // 1st ASCAAD International Conference, e-Design in Architecture KFUPM, Dhahran, Saudi Arabia. December, 2004. Pp. 43–58.

Tavernari C. Medieval Road Caravanserais In Syria: An Archaeological Approach // Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East May, 5th-10th 2009, “Sapienza” — Università di Roma. Volume 3 Islamic Session // Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2010. Pp. 191–205.

Mansouri A., Edgü E., Şalgamcioğlu M. E. Historic Persian caravanserais: Climatic effects and syntactic configuration // The 10th Space Syntax Symposium [SSS10] will be held in London from 13–17 July 2015 at UCL, London. Pp. 1–53.

İnci Kuyulu, A comparison between the caravanserais of Anatolia and Caentral Asia in the Maiddle Ages // 10e Congrès international d'art turc, Genève, 17–23 septembre 1995. Pp. 421–433.

REFERENCES

Belenitskii A. M. i dr. *Srednevekovi gorod Srednei Azii* [The medieval city of Central Asia]. L. : Nauka, 1973. 389 s. (in Russian).

Drevnosti Tashkenta [Antiquities of Tashkent]. Tashkent : Fan, 1976. 130 s. (in Russian).

Isamididinov M. Kh., Suleimanov R. Kh. *Erkurgan* [Erkurgan]. Tashkent : Fan, 1984. 159 s. (in Russian).

Kabanov S. K. *Kul'tura sel'skikh poselenii iuzhnogo Sogda III–IV vv* [The culture of rural settlements of southern Sogd III–IV centuries]. Tashkent : Fan, 1981. 128 s. (in Russian).

Kabanov S. K. *Sogdiiskoe zdanie V v. n.e. v doline r. Kashka-Dar'i* [Sogdiiskoe zdanie V v. n.e. v doline r. Kashka-dar'i]. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archeology]. № 3. M., 1958. S. 144–152 (in Russian).

Lebedeva T. I. *Genesis zamkovoï arkitektury Tsentral'nogo i Iuzhnogo Sogda v rannem srednevekov'e* [The genesis of the castle architecture of Central and Southern Sogd in the early Middle Ages]. *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana* [History of material culture of Uzbekistan]. Vyp. 31. Samarkand : Institut Arkheologii, 2000. S. 141–155 (in Russian).

Mukhamedzhanov A. R. Mirzaakhmedov Dzh. K., Adylov Sh. T. Semenov G. L. *Gorodishche Paikend* [Paikend hillfort]. Tashkent : Fan, 1988. 196 s. (in Russian).

Nemtseva N. B. *Rabat-i-Malik* [Rabat-i-Malik]. *Khudozhestvennaia kul'tura Srednei Azii. IX–XIII veka* [The art culture of Central Asia. IX–XIII century]. Tashkent : Izd-vo lititeratury i isskustva, 1983. S. 112–141 (in Russian).

Nil'sen V. A. *Stanovlenin feodal'noi arkhitektury* [The formation of feudal architecture]. Tashkent : Fan, 1966. 354 s. (in Russian).

Smirnova O. I. *Ocherki iz istorii Sogda* [Essays from the history of Sogd]. M. : Nauka, 1970. 287 s. (in Russian)

Filanovich M. I. *Tashkent zarozhdenie i razvitie goroda i gorodskoi kul'tury* [Tashkent origin and development of the city and urban culture]. Tashkent : Fan, 1983. 199 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdru kushanami i arabami* [Between Kushans and Arabs]. *Arkhitektura Srednei Azii V–VIII vv* [Architecture of Central Asia V–VIII centuries]. Berlin; Riga : Gamajun, 2000. 291 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdru arabami i tiurkami* [Between Arabs and Turks]. *Ranneislamskaia arkhitektura Srednei Azii* [Early Islamic Architecture of Central Asia]. *Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv* [The architecture of Central Asia IX–X centuries]. Berlin-Riga. Gamajun. 1992. 341 s. (in Russian).

Sumbul A., Scott C. C. Design Generation of The Central Asian Caravanserai. 1st ASCAAD International Conference, e-Design in Architecture KFUPM, Dhahran, Saudi Arabia. December 2004. Pp. 43–58 (in English).

Tavernari C. Medieval Road Caravanserais In Syria: An Archaeological Approach. Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East May, 5th-10th 2009, "Sapienza" — Università di Roma. Volume 3 Islamic Session. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2010. Pp. 191–205 (in English).

Mansouri A., Edgu E., Salgamcioglu M. E. Historic Persian caravanserais: Climatic effects and syntactic configuration. The 10th Space Syntax Symposium [SSS10] will be held in London from 13–17 July 2015 at UCL, London. Pp. 1–53 (in English).

Kuyulu I. A comparison between the caravanserais of Anatolia and Caentral Asia in the Maiddle Ages. 10e Congrès international d'art turc, Genève, 17–23 septembre, 1995. Pp. 421–433 (in English).

Цитирование статьи:

Кубаев С. Ш. Аултепе — первый открытый караван-сарай, рабат (рибат) Средней Азии // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 7–20.

Citation:

Kubayev S. Sh. Archaeology and Etno-Cultural history the first opened caravanserai, rabat (ribat) of Central Asia. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 7–20.
